

И. Грекова

В вагоне

ФТМ

И. Грекова

За проходной

«ФТМ»

1961

Грекова И.

За проходной / И. Грекова — «ФТМ», 1961

«Большой пустырь на окраине большого города. Конечная остановка трамвая. Дальше ехать некуда – кольцо. Глубокая осень. Глубокое уныние размокшей, неприбранной окраины. Какие-то доски, черные под дождем, рельсы, шалаши, груды ржавого лома. Вдоль трамвайных путей – тоненькие, в палец, деревья, высаженные в порядке обязательного озеленения, мокрые, в печальных каплях. На каждом – один-два уцелевших, крупных по дереву, черно-коричневых листа...»

© Грекова И., 1961

© ФТМ, 1961

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ЛАБОРАТОРИЯ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

И. Грекова

За проходной

Создателям первых космических ракет

ВВЕДЕНИЕ

Большой пустырь на окраине большого города. Конечная остановка трамвая. Дальше ехать некуда – кольцо. Глубокая осень. Глубокое уныние размокшей, неприбранной окраины. Какие-то доски, черные под дождем, рельсы, шалаши, груды ржавого лома. Вдоль трамвайных путей – тоненькие, в палец, деревья, высаженные в порядке обязательного озеленения, мокрые, в печальных каплях. На каждом – один-два уцелевших, крупных по дереву, черно-коричневых листа.

От трамвайного круга к пустырю сворачивает глинистая, скользкая дорога, вдребезги разбитая грузовиками. В глубоких колеях – желтая, мутная вода. Дорога идет к большому кирпичному зданию за высокой, тоже кирпичной, стеной. По верху стены – в два ряда колючая проволока. Большие железные ворота; рядом часовой в мокром брезентовом плаще. Время от времени ворота открываются и во двор, рыча и переваливаясь, вползают грузовики с грузом, выползают – без груза. Рядом с воротами – неказистое зданье вроде кирпичного сарая. Это – "проходная".

Изнутри проходная так же неприглядна, как снаружи. Стены выкрашены казенной, мрачно-голубой краской. Такой цвет часто бывает на кастрюлях, ведрах, почтовых и мусорных ящиках. Ремонта в проходной давно не было: краска местами облупилась, местами вздулась, отстала от стены и вот-вот облупится. С потолка свисает голая лампочка на перекрученном проводе. Сейчас день, но лампочка горит желтым, худосочным светом, который болезненно отделяется от серого света морозящего дня.

В стене – два окошка, за ними – девушки, выдающие пропуска. Медленная, равнодушная очередь. Люди ждут молча и только иной раз, просовывая в окошко документы, обменяются с девушкой двумя-тремя фразами вроде: "В лабораторию Холодных"; "Ваше предписание"; "Пропуск заказан позавчера". Время тянется; слышно, как девушка кричит по телефону: "Вызываю сопровождающего по вашей заявке, прибыл Житков из двенадцатого". Житков из двенадцатого стоит и ждет сопровождающего.

Через четверть часа приходит сопровождающий. Это молодой парень в куртке с "молниями". Он осведомляется, кто здесь Житков и ведет его через турникет пропускного пункта во двор. Тут обнаруживается, что в руках у Житкова – книга, с которой его никак нельзя пропустить на территорию. Об этом сообщает серьезная, непреклонная надпись: "Пронос портфелей, чемоданов, дамских сумок, книг и прочего категорически воспрещается". Книгу приходится сдать в камеру хранения, где на полках навалом лежит всякое "и прочее": сумки с продуктами, рулоны бумаги, детский велосипед. Принимает этот крамольный реквизит тетя Маша, немолодая женщина в застиранном синем халате, спящая на ходу. Она выдает Житкову пластмассовый номерок, садится на табурет за мощным прилавком и снова дремлет до следующей вещи. Безграничная скука гардеробных, камер хранения (вообще всех пунктов, работа которых основана на недоверии) царит в проходной. Житков на минуту задумывается: а может ли любить свою работу эта, например, тетка? Стараться сделать ее лучше? Наверно, нет. Здесь не может быть лучше или хуже – можно только терпеть и ждать.

Впрочем, бог с ним, с Житковым. Мы больше с ним не встретимся. Он понадобился только для того, чтобы показать вам проходную и сопровождающего – молодого парня в изре-

занной "молниями" куртке, с такими острыми и белыми зубами, что кажется, будто во рту у него тысяча зубов, а на куртке – тысяча молний. Он научный сотрудник десятой лаборатории. Функции сопровождающего несут все инженеры и научные сотрудники по очереди.

Сегодня от десятой лаборатории дежурит на сопровождении Володя Климов, молодой ученый, один из ведущих в лаборатории, по прозвищу Вовка-критик. Кроме него в лаборатории есть еще два Владимира: Вовка-умный и просто Вовка. То, что в одной лаборатории три Владимира, неудивительно, если учесть общий процент Владимиров в населении. На этот счет Вовка-критик не поленился провести специальное исследование (методом выборочного анализа) и установил, что в составе мужского населения нашей страны около 13 процентов Владимиров и что в десятой лаборатории этот процент не слишком выходит за пределы нормы.

Так вот эта лаборатория N_10 с почти нормальным процентом Владимиров и есть герой нашего рассказа. Она может быть героем рассказа: у нее есть личность. Мне, во всяком случае, она кажется человеком.

Здесь, в институте – за проходной, – много лабораторий. Еще больше их в других институтах. Они разные, как люди. Эта, десятая, ничем выдающимся не примечательна. Впрочем, посмотрим.

В литературе дозволены условности, и я проведу вас в лабораторию N_10, хотя вам и не выписан пропуск. Как говорили в девятнадцатом веке – пойдем со мною, любезный читатель. Я прослежу за тем, чтобы вы не увидели, чего не положено. Я буду вашим сопровождающим.

ЛАБОРАТОРИЯ

Десятая лаборатория – на втором этаже главного корпуса. Она занимает несколько комнат. Среди них: собственно лаборатория, препараторская, мастерская. Есть еще фотолаборатория, вернее, фоточулан. Две комнаты отведены для научной работы – одна большая, другая маленькая. В большой комнате довольно тесно, впитык и под углами расставлены канцелярские столы – желтые, плохо фанерованные, занозистые по краям. На некоторых столах – счетные машины-полуавтоматы. Для обеззвучивания они поставлены на пухлые резиновые коврики. Это мало помогает: когда работают сразу две-три машины, разговаривать можно только криком. Впрочем, здесь привыкли к шуму. Шумят машины, шумят люди, надрывается телефон.

На стене – классная доска светло-коричневого цвета. На ней какие-то формулы (под одной крупно: кретинизм), кривые, наброски схем. Информация: "Желающие пойти на Рихтера записывайтесь в первом отделе". Справа сверху загадочная надпись: "Каюку каюк".

Стены – тусклые, желтовато-серые, плохо крашенные. Висит портрет; от другого остался гвоздь. На противоположной стене плакат: "Храните деньги в сберегательной кассе". Улыбающаяся семья: муж, жена, ребенок на фоне сберкнижки. У всех совершенно одинаковые лица: русые, здоровые, розовые. Умеренно вздернутые носы, синие глаза, белые зубы. Похожи друг на друга, как двойники, и не только друг на друга – на тысячи персонажей с картин, реклам, открыток, календарей. Потому глаз и не задерживается на плакате. Спросите любого из тех, кто работает, в комнате: что нарисовано на плакате? Наверняка не помнит. Не смотрел.

Странная все-таки штука – искусство. Мы замечаем его, когда оно выражено в больших вещах. Но ведь изо дня в день мы живем в окружении мелких, забываемых, проходных вещей, которые в каком-то смысле – тоже искусство. Взять, например, спичечные коробки. Ведь "на каждом из них что-то нарисовано. Кто-то делал этикетку, старался, чтобы было хорошо. Красиво. А спроси у своего соседа: что нарисовано на коробке, который ты сегодня десять раз вынимал из кармана? Не скажет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.